
Сона Скофилд
Дракон, который выбрал не истинную

Сона Скофилд

Дракон, который выбрал не истинную

https://litres.ru/74960847
SelfPub; 2026

Аннотация

Я выходила замуж за северного герцога по расчету, не ожидая от него ни нежности, ни любви. Но за год Дамиан стал мужчиной, рядом с которым я мечтала состариться.

Накануне нашей первой годовщины древняя магия указала ему на истинную пару. Красивую драконицу, способную подарить ему наследников и разделить с ним несколько столетий жизни.

Совет требует нашего развода. Его род готов лишить Дамиана наследственных привилегий, если он откажется от предназначенного союза.

Я не собираюсь бороться за право остаться его женой. Слишком сильно люблю его, чтобы удерживать против воли.

Вот только мой дракон, кажется, совершенно иначе представляет наше будущее. И ради женщины, которую не выбрала для него судьба, готов изменить многовековые законы своего народа.

Содержание

Глава 1. Южные розы 4
Глава 2. Долгая весна 25
Глава 3. Чужое предназначение 45
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Сона Скофилд
Дракон, который выбрал не истинную

Глава 1. Южные розы

В один из последних дней южного лета, за несколько часов до моей свадьбы, две драконицы за стеной решали, сколько лет мне позволят оставаться замужем. Одна отводила мне десять, другая полагала, что я вернусь к отцу гораздо раньше. Из открытого окна тянуло запахом нагретых солнцем роз; я сидела перед зеркалом в белом платье, а дамы, видимо, считали комнату пустой.

— Вальгарду тридцать восемь. Для дракона это прекрасный возраст, чтобы встретить истинную, — заметила обладательница низкого, немного хриплого голоса. — А человеческая жена... Что ж, южане получат свои торговые дороги, Дамиан — необходимые поставки зерна. Все останутся довольны.

— Кроме девочки.

— Ей тридцать, дорогая. В таком возрасте пора понимать, для чего заключаются подобные браки.

Тридцатилетняя девочка в зеркале терпеливо ждала, пока

младшая сестра закрепит фату. Эстель тоже слышала разговор: последнюю ленту она затянула так, что у меня заболела кожа на затылке.

— Сходить познакомиться? — спросила она.

— Не стоит.

— А я бы познакомилась. Особенно с той, которая назвала тебя девочкой.

— Эстель, у меня свадьба. Постарайся хотя бы до обеда никого не оскорбить.

— Тогда после обеда.

Сестра поправила шпильку и обняла меня сзади.

— Ты ведь еще можешь отказаться, Элиана.

— Знаю. Если понадобится, откажусь. Только не тяни волосы.

Мы обе были похожи на мать, но Эстель достались ее светлые волосы и порывистость. Мне отец с детства приписывал собственное благоразумие, особенно когда требовалось разобраться с очередным счетом.

— Ты хотя бы находишь его красивым? — спросила сестра.

— Вполне.

— Как благородно с твоей стороны.

— Очень красивым, если тебе от этого станет легче.

Эстель довольно кивнула. С будущим мужем я встречалась четыре раза, и всякий раз мы сидели по разные стороны стола, заваленного бумагами. Герцог Вальгард умел слу-

шать, не поглядывая на часы, а во время переговоров ни разу не позволил себе обсуждать мои достоинства так, словно выбирал породистую лошадь. Мне нравились его широкие плечи, темные волосы, необычные янтарные глаза. При редкой улыбке суровое лицо оживало, и я начинала забывать, сколько титулов полагалось перечислить перед его именем.

Шесть лет назад я собиралась замуж по любви. Жених писал мне письма, обещал увезти к морю после свадьбы и даже выбирал имена нашим будущим детям. За месяц до венчания он прислал отцу известие о разрыве: дочь владельца трех виноградников представляла для него больший интерес. С тех пор я гораздо внимательнее относилась к содержанию брачного договора, чем к мужским признаниям. В дверь постучали. На пороге появился отец.

— Элиана, герцог приехал. Господин нотариус тоже здесь. Нам осталось подписать последние бумаги.

— Какие еще бумаги? — возмутилась Эстель. — Вы разве вчера не закончили?

— Некоторые представители северных домов пожелали внести уточнения.

Судя по тону отца, уточнения ему не понравились. Я сняла фату и отправилась в библиотеку. За столом сидели нотариус, двое незнакомцев и мой будущий муж.

Дамиан поднялся первым. На нем был темно-синий камзол с серебряной вышивкой по воротнику. Черные волосы, обычно зачесанные назад, сегодня лежали немного свобод-

нее. Он окинул меня взглядом, задержавшись на открытых плечах, и едва заметно улыбнулся.

— Доброе утро, Элиана.

— Доброе утро, ваша светлость. Надеюсь, я не слишком долго собиралась?

— Напротив. Вы появились очень вовремя.

Пожилой дракон с седыми волосами, собранными на затылке, придвинул ко мне бумаги.

— Госпожа Марвен, остались небольшие формальности, связанные с обычаями нашего народа.

Я села и прочитала документ. Приданое и личное имущество оставались в моем распоряжении. Мне полагалось ежегодное содержание, а в течение первых полутора лет брака я могла потребовать расторжения через нотариуса, не дожидаясь согласия супруга. На этом условии настоял отец, поскольку мне предстояло поселиться на другом конце королевства. Дамиан согласился без возражений.

На третьем листе я обнаружила новый пункт. Я перечитала его, прежде чем обратиться к седовласому дракону.

— Правильно ли я понимаю, что в случае обнаружения истинной пары моего супруга брак может быть расторгнут без моего согласия?

— При соблюдении определенных условий, госпожа Марвен.

— Здесь перечислено немало условий. Ни одно из них не предусматривает моего согласия.

— Истинность священна для нашего народа. Вам следует с уважением отнестись к традициям семьи, в которую вы вступаете.

— До тех пор, пока я не подписала этот документ, я в нее не вступила.

Отец перестал вертеть в руках пенал с перьями. Дамиан протянул руку.

— Покажите мне.

Я передала ему лист. Он прочитал дополнение, после чего посмотрел на седовласого мужчину.

— Кто распорядился внести этот пункт?

— Ваша светлость, мы сочли необходимым...

— Кто именно?

— Совет старших представителей родов. Речь идет о защите наследственных интересов дома Вальгард.

Дамиан перечеркнул абзац, подписался на полях и передал лист нотариусу.

— Изготовьте чистовые экземпляры без этого дополнения. И приложите к протоколу письмо Совета, если такое имеется. В следующий раз пусть старейшины направляют предложения лично мне.

Седовласый дракон хотел возразить, но отец уже поднялся и открыл дверь. Нотариус собрал бумаги. Герцог попросил оставить нас вдвоем.

Отец задержался на пороге, дождался моего кивка и вышел следом за остальными.

— Благодарю вас, — сказала я. — Теперь мне не придется отменять свадьбу.

— Вы бы отменили ее? Даже после всех приготовлений?

— Отец расстроится из-за денег, потраченных на цветы. Но, думаю, переживет.

Герцог улыбнулся и положил перо возле чернильницы.

— Боюсь, в ближайшие годы мне еще не раз пригодится ваша способность спокойно сообщать неприятные вещи.

— Постарайтесь не давать мне слишком много поводов.

Я снова посмотрела на перечеркнутые строки.

— Что вы будете делать, если действительно встретите истинную?

За окном садовник сметал с дорожки опавшие лепестки. Дамиан дождался, пока тот пройдет мимо окна.

— Сегодня я собираюсь жениться на вас. Обещания, которые дам у алтаря, намерен выполнять.

— Даже если ваши старейшины потребуют обратного?

— Я не первый год с ними знаком, Элиана. Они потребуют. Вопрос в том, что смогу им ответить я.

Он не уверял меня, что подобная встреча никогда не состоится. Впрочем, после истории с прежним женихом я предпочитала именно такие ответы: за ними хотя бы оставалось место для действительности.

— Элиана, вы прекрасно выглядите.

— Благодарю. Вы тоже.

— Вполне? — с едва заметной усмешкой уточнил он. —

Вчера ваша сестра заверила меня, что я вам вполне нравлюсь.

У меня вспыхнули щеки.

— У Эстель отвратительная привычка обсуждать вещи, которые ее не касаются.

— Мне она показалась очаровательной девушкой.

— Вы еще не провели с ней достаточно времени.

До самой лестницы я слышала его смех. Когда нотариус принес чистовые экземпляры, мы еще раз прочитали договор и подписали его.

К полудню нотариус подготовил чистовые экземпляры договора. Мы с герцогом подписали их в присутствии отца и двух свидетелей. Я поручила Эстель убрать мою копию к остальным дорожным бумагам и только тогда позволила служанкам вернуть фату на место.

Свадьбу сыграли в старом семейном храме. Мать когда-то выходила здесь замуж и рассказывала нам с сестрой, как отец от волнения надел кольцо ей не на тот палец. Сегодня он волновался ничуть не меньше. Пока мы шли между каменными колоннами, я успела заметить в первом ряду знакомых с детства людей, а за ними — непривычно сдержанных северян. От роз, которыми украсили зал, пахло так сильно, что у одной из тетушек начался кашель.

Дамиан ждал меня у алтаря. Отец вложил мою руку в его ладонь, и герцог слегка сжал мои пальцы. Когда пришло время произносить клятву, он смотрел прямо на меня.

— Обещаю хранить тебе верность, уважать твою волю, заботиться о нашем доме и разделять с тобой все, что принесет нам жизнь.

Я произнесла ответные слова. Кольцо оказалось тяжелее, чем я ожидала: широкая золотая полоска с узором из переплетенных ветвей и нашими именами на внутренней стороне. Священнослужитель объявил нас мужем и женой.

— Позволишь? — тихо спросил Дамиан, наклонившись ко мне.

Я кивнула. Он придержал меня за талию и коснулся моих губ. Поцелуй был коротким, как и полагалось при стольких свидетелях. Но когда герцог отстранился, мне захотелось, чтобы он задержался еще немного.

На свадебном обеде нам желали детей, благополучия северных земель и успешной торговли. Один разговорчивый родственник даже поздравил меня со снижением пошлин на перевозку железа.

— Наконец-то кто-то пожелал нам действительно полезную вещь, — шепнул Дамиан, и я едва не рассмеялась в бокал.

Когда он пригласил меня танцевать, возле столика с напитками я увидела двух дракониц, чей разговор слышала утром. Дамиан проследил за моим взглядом.

— Ты с ними знакома?

— Заочно. Они отвели нашему браку лет десять. Впрочем, одна из них настроена менее оптимистично.

— Если подойдут, предупреди меня. Я предпочел бы не обсуждать собственный развод в день свадьбы.

Он повел меня в повороте. Мне приходилось поднимать голову, чтобы видеть его лицо, и вблизи я различала терпкий запах его одеколона.

— Если кто-нибудь из них позволит себе грубость, можешь ответить, как сочтешь нужным.

— Даже если речь идет о ваших родственниках?

— Особенно если речь идет о них. И еще, Элиана: ты могла бы уже называть меня по имени. Мы ведь женаты.

— Хорошо, Дамиан.

Он улыбнулся так довольно, что я впервые за день потеряла счет шагам.

Когда гости начали расходиться, отец отвел меня к каменной скамье, возле которой мать любила выращивать розы. В зарослях жимолости стрекотали кузнечики. Я подобрала шлейф платья и села рядом с ним.

— Герцог оказался порядочнее, чем я предполагал, — сказал отец. — Только запомни: торговое соглашение останется в силе независимо от того, как сложится твой брак. Если тебе на севере будет плохо, возвращайся. Никакие дороги и пошлины не стоят того, чтобы моя дочь терпела несчастливую жизнь.

После смерти матери отец редко говорил о чувствах. Зато каждую осень заказывал для Эстель слишком много теплых платьев, проверял прочность экипажей перед нашими

поездками и сам ездил за лекарем, если кто-нибудь заболевал. Я взяла его за руку.

— Я буду осторожна, папа.

— Надеюсь, тебе не придется быть осторожной с собственным мужем.

Он поцеловал меня в лоб, и мы вернулись к гостям.

К ночи служанка сняла с меня тяжелое свадебное платье, распустила волосы и принесла домашний халат. Я осталась одна. Гостевые покои Дамиана соединялись с моей спальней маленьким кабинетом, и от одного взгляда на закрытую дверь мне становилось жарко. В тридцать лет я достаточно хорошо представляла себе супружескую близость, но мужа до сих пор видела почти исключительно в присутствии отца. Я успела переставить подсвечник и выпить полстакана воды, прежде чем услышала стук.

— Можно войти?

— Да.

Дамиан появился с бутылкой вина и двумя бокалами. Он снял праздничный камзол, остался в белой рубашке и темных брюках. В распахнутом вороте рубашки виднелась смуглая кожа, а закатанные рукава открывали сильные предплечья. Признаться, в этот момент мне стало еще труднее сохранять спокойствие.

— Я подумал, что нам обоим будет полезно выпить, — сказал он. — За весь вечер я так и не попробовал ваше знаменитое южное вино.

— Отец был бы глубоко оскорблен, если бы узнал.

— Тогда придется исправить это упущение.

Он разлил вино и устроился напротив. Мы успели выпить за наш брак, обсудить рыбу и северный сыр, пока я наконец не спросила:

— Дамиан, ты ведь пришел не ради сыра?

— Вино тоже было веской причиной.

— Я серьезно.

Он поставил бокал на стол.

— Элиана, я не стану требовать от тебя исполнения супружеских обязанностей. Сегодня или в какой-либо другой день. У нас будет достаточно времени познакомиться.

— А если мне понадобится много времени?

— Значит, подождем. Я тоже хочу, чтобы ты радовалась моему приходу, а не волновалась всякий раз, когда открывается эта дверь.

Я наконец позволила себе откинуться на спинку кресла.

— Ты всегда такой терпеливый?

— Начальник моей стражи рассмеялся бы, услышав этот вопрос. А ты еще не видела, как я проигрываю в шахматы.

За разговором выяснилось, что муж не любит сладкое вино и придворную музыку. Я рассказала ему о том, как после смерти матери занялась семейным хозяйством.

— Ты сама проверяешь счета?

— Вместе с отцом. Обычно нахожу его ошибки, а он утверждает, что именно так меня учит.

— Теперь понятно, почему он так охотно выдал тебя замуж.

— Скоро в моем распоряжении окажутся твои хозяйственные книги.

Дамиан рассмеялся и пообещал предупредить управляющую.

Мы перебрались к открытому окну. В саду горели последние фонари, пахло розами и влажной травой. Дамиан подошел ближе, и я поймала себя на том, что разглядываю его губы.

— Мне понравилось целовать тебя в храме, — сказал он.

— Мне тоже.

Я сама повернулась к нему. Он отвел волосы от моей щеки и наклонился. На этот раз мы могли не спешить. От его близости у меня закружилась голова, и, когда Дамиан чуть крепче обнял меня, я с удовольствием положила руки ему на плечи. Впервые за весь день хотелось, чтобы часы шли помедленнее.

Наконец он отступил.

— Спокойной ночи, Элиана.

— Ты уходишь?

— Если останусь, мне будет гораздо труднее проявлять то замечательное терпение, которое тебе так понравилось.

Я рассмеялась. Он поцеловал меня в лоб и ушел в гостевые покои. Я легла, прислушиваясь к затихавшему дому, и еще долго вспоминала, как Дамиан улыбнулся, услышав мой

вопрос. Завтрашнего дня я ждала с любопытством, которого не испытывала ни разу за время свадебных приготовлений.

На север мы отправились через два дня. Эстель сунула мне в руки домашнее печенье, письма, которые следовало открывать в дороге, и потребовала пригласить ее в гости до зимы. Отец обнял меня и долго держал за руку, пока кучер не попросил разрешения трогаться. Когда родной дом скрылся за поворотом, я не выдержала и заплакала. Дамиан молча протянул платок, потом открыл книгу. За это я оказалась ему особенно благодарна: прощание с домом не становилось менее печальным от попыток меня развеселить.

Путь занял восемь дней. Мы останавливались в придорожных гостиницах и домах местных дворян. Плодородные долины уступили место холмам, потом появились горы с белыми вершинами. Дамиан мог бы добраться до Эрвика гораздо быстрее по воздуху, но поехал вместе со мной.

В дороге я познакомилась с Кайденом Россом, начальником герцогской стражи. Высокий рыжеволосый дракон знал Дамиана с юности и обладал редким талантом выводить его из себя, не подвергаясь при этом серьезным взысканиям. На третий день Кайден присоединился к нам за ужином.

— Герцогиня, вы уже успели объяснить ему, что семейные поездки отличаются от военных походов? — поинтересовался он. — В горах его светлость непременно пожелает выехать до рассвета. Это, видите ли, удобно лошадям и половине северного королевства.

— А когда мы выезжаем завтра? — спросила я мужа.

— После завтрака. В восемь.

Кайден присвистнул.

— Женитьба благотворно на тебя повлияла.

— Еще одно слово, и ты отправишься вперед проверять дорогу, — пообещал Дамиан.

Кайден объявил, что всегда ценил семейное счастье, и занялся ужином. С другом мой муж держался куда свободнее, чем с советниками. Впервые я увидела, как легко заставить его смеяться.

В тот вечер в наших комнатах стоял чайник и тарелка с сушеными персиками.

— Купил утром, пока ты разговаривала с хозяйкой гостиницы, — объяснил Дамиан. — Ты ведь добавляешь их в чай?

— Мать научила меня. Не думала, что ты заметил.

— Тогда хорошо, что взял побольше. На севере с персиками бывают сложности.

Мы сели возле окна, за которым гасло солнце. Я подумала, что могла бы привыкнуть к такому мужу.

Север встретил меня запахом хвои и таким пронизывающим ветром, что на последней станции я сменила шаль на теплый плащ. Дамиан сидел напротив в расстегнутом камзоле.

— Тебе совсем не холодно?

— Элиана, я дракон. Иди сюда.

Я пересела к нему, и он укрыл меня полой плаща. Сквозь

несколько слоев одежды ощущалось необычное тепло его тела.

— Пожалуй, это первое преимущество брака с драконом, которое удалось проверить в дороге.

— Надеюсь, к зиме ты составишь более длинный список.

За следующим поворотом открылась долина. Между темными лесами блестела широкая река, вдоль которой стояли каменные дома с высокими крышами. Над городом на выступе горы возвышался замок. Его серые стены и башни казались продолжением скал.

— Эрвик, — сказал Дамиан. — А наверху наш дом.

На городской площади я заметила металлическую чашу на каменной колонне. В ней горел огонь без дров и углей. Муж объяснил, что это один из источников магического тепла, которыми северяне пользуются зимой. На юге магия служила преимущественно лекарям и ремесленникам; здесь от нее зависела жизнь целых поселений. Тогда мне было просто любопытно.

У крыльца замка нас встретила высокая женщина в темно-зеленом платье. Серебристые волосы она собрала на затылке, на поясе висела тяжелая связка ключей.

— Добро пожаловать домой, ваша светлость. Герцогиня, позвольте представиться. Матильда, управляющая замком.

Пока слуги выгружали сундуки, она провела меня по дому. За суровыми наружными стенами обнаружились теплые залы с гобеленами, глубокие кресла и большие камины,

украшенные резным камнем. На втором этаже Матильда открыла передо мной дверь.

— Ваши покои, герцогиня.

В спальне, где широкие окна выходили на долину, стояли свежие розы.

— Здесь они растут? — удивилась я.

— В зимнем саду. Его светлость распорядился срезать их к вашему приезду.

Дамиан отмахнулся от моей благодарности, заметив, что дома у отца розами было увито полпоместья. Матильда пожелала нам отдохнуть и отправилась распоряжаться ужином.

За соседней дверью оказалась общая гостиная. Из нее можно было попасть в покои мужа. Обе двери запирались изнутри, и я оценила предусмотрительность Дамиана. Он предупредил, что вечером приедут представители нескольких северных домов. Я вздохнула: после восьми дней в экипаже мечтала о горячей ванне и тишине.

— Обещаю избавить тебя от гостей как можно раньше.

— Спасибо. И за розы тоже.

Я поцеловала его в щеку. Муж придержал меня за талию.

— Всего лишь в щеку?

— Не стоит слишком многого ожидать от женщины, которая восемь дней провела в экипаже.

Из коридора уже раздавался голос Кайдена, разыскивавшего герцога. Дамиан вздохнул и пообещал однажды устроить другу собственную семейную жизнь, чтобы тот перестал

мешать чужой.

На вечернем приеме я впервые в полной мере оценила разницу между почтением к герцогскому титулу и отношением к человеческой женщине, которая его носила. Большинство гостей были вежливы; однако супруга председателя Совета четырех домов, госпожа Вельт, вскоре решила выяснить, что именно север получил вместе со мной.

— Дорогая герцогиня, вы наверняка удивлены нашими порядками. Человеческим женщинам бывает непросто привыкнуть к жизни среди драконов.

— Полагаю, многое зависит от того, среди каких именно драконов они живут.

— Разумеется. Но вам придется считаться с особенностями нашей природы. Например, дети от смешанных браков не всегда наследуют драконьи способности.

Я поставила бокал.

— Дети вообще имеют удивительное свойство рождаться не совсем такими, какими их желали бы видеть родственники.

Кайден поспешно прикрыл рот салфеткой. Госпожа Вельт принялась объяснять, какую ценность представляет наследование дара. Дамиан, до того разговаривавший с Ренаром, повернулся к нам.

— Что обсуждаете?

— Семейные традиции, — ответила госпожа Вельт.

— В таком случае начните со своей семьи. Насколько я

помню, вы пятнадцать лет подыскиваете супругу старшему сыну. Как успехи?

За столом захихикали. Больше госпожа Вельт о детях не заговаривала.

После ужина мы остались в гостиной. Я сняла туфли и вытянула ноги к камину. Дамиан принес чай.

— Твои родственники чрезвычайно озабочены продолжением твоего рода, — заметила я.

— Чужими спальнями. Это у нас старинное развлечение.

Я улыбнулась, однако разговор с госпожой Вельт не выходил у меня из головы.

— А для тебя важно, чтобы дети унаследовали драконью природу?

— Когда-нибудь я хотел бы стать отцом. Но предпочту сперва дождаться самих детей. Незачем предъявлять требования людям, которых еще не существует.

Он поставил чашку на столик и подал мне руку.

— Если тебе еще раз укажут, что ты человек, просто напомни им, что я прекрасно знал об этом до свадьбы.

Я вложила пальцы в его ладонь. Слова мужа помогли мне успокоиться, хотя я уже понимала, что в Эрвике мне придется не раз сталкиваться с подобными замечаниями.

В первые недели Матильда познакомила меня с хозяйством замка. Она не торопилась допускать новую герцогиню к счетам, но мы нашли общий язык, едва обнаружили, что постоянный поставщик годами продавал замку шерсть по за-

вышенным ценам. Дамиан вечером застал меня над книгой.

— Уже нашла преступников?

— Пока только предприимчивого торговца шерстью.

— Надеюсь, обойдемся без казней.

Он изучил счета и согласился, что цены следует пересмотреть. Предложил воспользоваться опытом Матильды, а потом напомнил об ужине. Оказывается, накануне он ждал меня, пока суп не остыл. Мне стало неловко: в отцовском доме никто не беспокоился, если я засиживалась за работой, а теперь в столовой нашелся человек, которому хотелось видеть меня напротив.

К концу третьей недели я уже знала, где в библиотеке хранятся любимые книги Дамиана и в каком часу лучше появляться на кухне, чтобы получить горячую выпечку. Мы завтракали вместе, а если позволяли дела, то и ужинали. Вечером муж разбирал письма в общей гостиной, пока я читала в соседнем кресле. Иногда разговор затягивался, и наутро мы оба с трудом вставали вовремя.

Однажды ночью меня разбудил ливень. В общей гостиной горела лампа; Дамиан ждал известий о горной дороге, пострадавшей от обвала. К счастью, никто не погиб, но нужно было расчистить путь для продовольственного обоза. Я налила воды и села рядом.

— Скучаешь по дому? — спросил он.

— Особенно по теплым вечерам.

— Здесь тоже бывают теплые вечера.

— В каком месяце?

— Ты начинаешь говорить как Кайден.

— Хороший человек. Надо почаще с ним общаться.

Муж принес плед и укрыл мои ноги. Потом рассказал, как в детстве сбегал с двоюродными братьями к горячим источникам, как они однажды остались без одежды и возвращались в замок в плащах, одолженных у пастухов. Я смеялась, представляя переполох, который устроили мальчишки. От источников разговор перешел к горным озерам, а затем к северному сиянию.

— Покажешь мне?

— Обязательно.

— И горячие источники?

— Если захочешь.

— И озера? Ты ведь можешь брать меня с собой в рабочие поездки.

Дамиан задумался, потом согласился. Пока мы разговаривали, дождь утих. Я перебралась к нему на диван, положила голову на плечо и почти заснула, когда он поцеловал меня в лоб. Утром мне подали чай с сушеными персиками: Дамиан успел распорядиться об этом, прежде чем уехать.

Через несколько дней Дамиан заглянул ко мне в покои и пригласил на ужин.

— Мы ведь и так ужинаем вместе.

— Сегодня предлагаю поехать в Эрвик. Там есть гостиница, где прекрасно готовят форель, а с террасы видна река.

— Только мы вдвоем?

— Мы четыре раза встречались до свадьбы, и всякий раз рядом находились либо твой отец, либо мои советники. Кажется, я так и не успел за тобой поухаживать.

— Обычно мужчины стараются сделать это до свадьбы.

— Тогда у меня были весьма деловые намерения. Теперь появились другие.

Он поцеловал мои пальцы и с совершенно серьезным видом пообещал заехать за мной в семь. Я рассмеялась: герцог собирался забирать собственную жену из собственного замка. Но когда он ушел, я немедленно открыла шкаф. В глубине висело платье цвета спелой вишни, привезенное с юга. До сегодняшнего дня я наряжалась, чтобы не подвести мужа на приемах. Теперь впервые собиралась выбрать платье, в котором понравлюсь именно ему.

К семи часам мой муж должен был приехать за мной на первое свидание.

Глава 2. Долгая весна

Ровно в семь под окнами остановилась открытая коляска. Дамиан приехал без свиты, в темном сюртуке, и застыл у крыльца, увидев меня в вишневом платье. Я ждала комплимента. Он молча подал руку, а когда я села, признался, что теперь не уверен, удастся ли нам провести вечер без ссор с другими посетителями гостиницы.

— Ты собирался произвести хорошее впечатление, — напомнила я. — Начни с того, что не трогай посетителей.

Муж засмеялся и взял вожжи. У городских ворот за коляской побежали два мальчишки, сыновья замкового конюха. Дамиан велел им держаться подальше от колес, а потом рассказал, что в детстве сам сорвался с подножки экипажа и сломал руку.

— И кто тебя наказал?

— Отец. За порванный камзол. Рука срослась через две недели, а камзол пришлось носить до конца сезона.

Хозяйка гостиницы, круглолицая женщина по имени Ида, провела нас на террасу над рекой. В кувшине стояли полевые цветы, у причала покачивались рыбацкие лодки. На соседней улице кто-то играл на скрипке, всякий раз сбиваясь на одном и том же месте. Дамиан отломил кусок горячего хлеба с тмином и протянул мне. Пока ждали форель, он рассказал, как в молодости приезжал сюда обедать после объезда

укреплений. Однажды Ида выставила его с товарищами за дверь: они явились после закрытия кухни.

— Ты не назвал своего имени?

— Назвал. Она посоветовала мне отправиться ужинать к отцу.

Ида как раз принесла рыбу. Услышав конец рассказа, подтвердила, что помнит этот случай, и добавила, что женитьба, по ее мнению, пошла герцогу на пользу: теперь он приезжал вовремя. Я рассмеялась. Мне хотелось чаще видеть Дамиана таким, каким он был здесь, без советников и родственников.

После ужина мы спустились к реке. Дамиан предложил купить жареные орехи у торговца на набережной, но обнаружил, что оставил мелочь в другом сюртуке. Я расплатилась сама и до самого моста дразнила его тем, что он пригласил меня на свидание без денег.

— У меня есть герцогство, — возразил он.

— Продавец орехов наверняка был бы рад получить его в залог.

— Не думаю. Ты еще не видела моих расходов на ремонт дорог.

На середине деревянного моста Дамиан остановился, чтобы убрать прядь волос, которую ветер бросил мне на лицо. Я привстала на носки и сама его поцеловала. Он замешкался от неожиданности, затем обнял меня, и мы стояли так, пока с берега не крикнули, что мост предназначен для прохода. Домой вернулись поздно. Муж пожелал мне доброй ночи у

двери спальни, а я, снимая ожерелье, с удовольствием вспоминала, как он улыбался по дороге в замок. Впервые мне удалось застать его врасплох поцелуем.

В первые недели осени в общей гостиной появилась шахматная доска с тяжелыми фигурами из горного камня. Дамиан предложил объяснить мне правила, а через час с недоверием разглядывал своего короля, которому я поставила мат.

— Где ты научилась так играть?

— У отца.

— Твой отец проиграл мне обе партии во время переговоров!

— Теперь понятно, почему он был так расстроен. А говорил, что дело в пошлинах.

Дамиан потребовал реванша. С тех пор мы часто играли по вечерам. Одна партия растянулась на девять дней и закончилась спором, когда Матильда случайно опрокинула фигуры. Управляющая предложила запереть нас в комнате до тех пор, пока мы не вспомним их расположение.

К первому снегу я получила несколько заказов на южные ткани и выделила в замке комнату под торговую контору. А перед зимним балом Матильда принесла старую схему рассадки. Возле двух фамилий почерком покойной герцогини было приписано: «Ради всего святого, подальше друг от друга». Я улыбнулась и спросила о хозяйке. Матильда ответила, что в последние годы та редко спускалась к гостям. От дальнейших расспросов я воздержалась.

В день бала Дамиан застал меня без перчаток. Черный парадный мундир и серебряная застежка на плече так ему шли, что я не сразу услышала его вопрос.

— Прости, что ты сказал?

— Спросил, не хочешь ли ты надеть серьги, которые привез ювелир. Впрочем, можешь продолжать смотреть. Мне это нравится.

Я бросила в него свернутой перчаткой. Он поймал ее, подошел и помог мне одеться; со второй перчаткой провозился дольше, чем требовалось, и под конец поцеловал запястье над краем шелка. Внизу уже заиграла музыка. Первый танец мы провели вместе, а потом мужа увлекли к себе старейшины.

— Ваше терпение сегодня достойно награды, герцогиня. Позволите пригласить вас на танец?

— С удовольствием. Только не наступайте мне на ноги.

— Никогда в жизни. На этот счет у меня есть особые распоряжения начальства.

Кайден танцевал превосходно и успел рассказать, как на таком же балу юный Дамиан сбежал на конюшню от особенно настойчивой невесты. Я едва не сбилась с шага от смеха. Когда музыка стихла, увидела мужа возле колонны. По его лицу можно было решить, что на конюшню сегодня собирается отправиться Кайден, причем по приказу герцога.

— Кажется, вас разыскивают, — сказала я своему кавалеру.

— Боги милосердные. А я ведь ни разу не наступил вам на ноги.

Дамиан поблагодарил друга за танец и увлек меня в галерею, где пахло хвоей от деревьев в кадках.

— Весело проводишь время?

— Очень. Кайден рассказывал о твоей юности.

— Прекрасно. Завтра у него будет достаточно времени вспомнить молодость во время объезда восточных караулов.

Я остановилась.

— Ты собираешься наказывать его за то, что он меня развлекал?

— Нет, конечно. — Дамиан поморщился. — Просто пока я выслушивал речь о дорожных сборах, вы оба так веселились, что даже Ренар обернулся.

— Тогда пригласи меня на следующий танец.

— А ты согласишься?

— Если перестанешь дуться на друга.

Он засмеялся и взял мою руку.

— Договорились. Следующий танец, следующий ужин и все свободные вечера, которые ты согласишься со мной разделить.

До конца бала Дамиан еще дважды подходил ко мне с протянутой рукой, а наутро Кайден явился к завтраку и поинтересовался, разрешено ли ему теперь хотя бы разговаривать с герцогиней. Муж велел ему сесть и перестать паясничать.

Через несколько недель мы отправились в горы: Дамиа-

ну предстояло осмотреть поселения, отрезанные от основной дороги снегопадом. До загородной резиденции добрались в экипаже, дальше он предложил лететь. Я с сомнением осматривала кожаное сиденье с ремнями, которое слуги вынесли на площадку. Кайден проверил пряжки и объяснил, как подавать сигнал о посадке, а Дамиан велел мне отойти к стене.

От каменных плит повеяло жаром. Очертания человеческой фигуры изменились, над площадкой расправились огромные крылья. Там, где только что стоял мой муж, теперь возвышался темный дракон с медными прожилками на чешуе. Я отступила на шаг, хотя знала, что Дамиан не причинит мне вреда. Он опустил голову к земле, и я увидела знакомые янтарные глаза. Удержаться от улыбки оказалось невозможно.

Кайден со слугами закрепили сиденье у основания драконьей шеи. Я забралась в сиденье, пристегнулась и нащупала петлю: два рывка за нее означали, что мне нужна посадка.

Когда крылья расправились, земля ушла из-под нас так быстро, что у меня перехватило дыхание. За крышей резиденции открылись темные леса, белые склоны и узкие серебряные ручьи. Вначале я вцепилась в поручни и боялась смотреть вниз. Потом заметила стадо крошечных коз на горной тропе и от неожиданности засмеялась. Дамиан вел себя в воздухе удивительно спокойно: обходил порывы ветра и плавно наклонялся в поворотах. Скоро я перестала сжимать

поручни до боли в пальцах.

Мы приземлились у поселения под двумя скалами. Местные жители помогли снять снаряжение, а Дамиан принял человеческий облик и переоделся за перегородкой. Когда он подошел, я набросилась на него с восторженными рассказами о полете.

— А еще я видела коз!

— Надеюсь, они не произвели на тебя большее впечатление, чем я.

— Трудно сказать. Никогда прежде не видела коз с такой высоты.

Он обнял меня, и я согрелась, хотя щеки еще горели от ветра. Пока Дамиан выяснял у старосты, сколько продовольствия осталось в поселении, я познакомилась с местными ткачихами. Их шерстяные одеяла могли найти покупателей на юге, поэтому мы договорились обсудить поставки после восстановления дороги.

На обратном пути муж показал мне старое святилище. Кровля круглого храма обвалилась, но над входом сохранилось изображение четырех огненных чаш. Под навесом в глубокой нише стояла чаша с прозрачными камнями, напоминавшими янтарь.

— Накопители, — объяснил Дамиан. — Драконы передавали им часть огня, а тепло шло в соседние поселения. После обвала дед предпочел расширить центральное святилище. Другие дома уступили ему право управления всем Кру-

гом: так оказалось выгоднее.

У спуска нас остановил старик с хворостом. Оказалось, зимой дальним домам временами не хватает тепла. Дамиан выслушал его и обещал прислать мастера. Я запомнила и старика, и темную чашу под разрушенной крышей. До сих пор магическое отопление казалось мне одним из самых удачных северных изобретений.

В резиденцию вернулись засветло. Пока Дамиан отдавал распоряжения о доставке припасов, смотрительница показала мне горячий источник. Вода стекала по каменному желобу в купальню, окруженную высоким частоколом. Я переоделась и заглянула к мужу в кабинет.

— Нашла твой горячий источник. Пойдешь со мной?

Дамиан взглянул на письма.

— Дай мне четверть часа.

— Десять минут.

— Ты становишься требовательной женой.

— Считай, что я наконец привыкла к своему положению.

Он опоздал на три минуты и принес полотенца, воду и яблоки. Я уже сидела в купальне, погрузившись по плечи в горячую воду. В сумерках над оградой темнели верхушки сосен, легкий снег таял на каменных плитах. Дамиан сел рядом и протянул мне яблоко. Мы разделили его пополам. Муж вспоминал детские проделки, а я все чаще ловила его взгляд. Когда мы замолчали, он обнял меня за плечи, и я сама повернулась к нему. Поцелуи закончились лишь тогда, когда

Дамиан напомнил, что пора выходить, пока мы не замерзли по дороге в дом.

После ужина мы устроились в гостиной. Я принесла книгу, Дамиан достал письма. Страница так и осталась непрочитанной: я разглядывала его поверх переплета и все пыталась подобрать слова. За последние месяцы мне уже не раз хотелось остановить мужа у двери спальни, но прежде я убеждала себя, что нужно подождать еще немного. Сегодня ждать не хотелось.

— Дамиан, останешься со мной на ночь?

Он отложил письмо.

— Ты уверена?

— Да. Уже довольно давно пытаюсь тебе это сказать.

— Можно было начать именно так, — ответил он с улыбкой.

Я подошла, протянула ему руку, и мы вместе отправились наверх. В спальне мне не пришлось изображать опытность, которой у меня не было. Я смеялась от смущения, доверяла его прикосновениям и могла сказать, чего хочу. Той ночью между нами окончательно исчезла неловкость, еще оставававшаяся после свадьбы.

Утром я проснулась поперек кровати. Дамиан сидел у окна с чашкой кофе.

— Почему не разбудил?

— Хотел посмотреть, как долго женщина может спать в таком неудобном положении.

Я бросила в него подушкой. Он вернулся к кровати, поцеловал меня, и завтрак нам пришлось отложить.

По возвращении в Эрвик мы выбрали мою спальню общей: утром там было больше света. На туалетном столике появилась бритва Дамиана, на полке — книга о старинных крепостях, а одно-единственное свободное кресло пришлось заменить двумя. Матильда с трудом скрывала довольную улыбку, когда отдавала соответствующее распоряжение слугам.

Зима в Эрвике оказалась долгой. Я обзавелась теплыми сапогами и научилась получать удовольствие от прогулок по снегу. Торговая контора наконец стала приносить доход: одеяла из горных поселений я отправляла на юг, оттуда привозила тонкую шерсть, красители и ткани. Отец предлагал познакомить меня с покупателями, Эстель писала о домашних новостях. Дамиан же просил хранить торговую корреспонденцию отдельно от государственных бумаг: однажды среди отчетов о состоянии дорог он обнаружил счет за двадцать мотков зеленых ниток.

В ту же зиму мне понадобился склад в городе. Я нашла помещение возле торговой площади, где раньше хранили бочки с вином, и договорилась с хозяином посмотреть его на следующий день. Дамиан, услышав за ужином об этом, поинтересовался, сколько тот просит за аренду. Названная сумма его возмутила. Он обещал узнать, не сдает ли кто-нибудь из его знакомых подходящее помещение дешевле.

Утром Матильда принесла мне ключи от двух комнат в доме, принадлежавшем Вальгардам. Сказала, что слуги уже начали освобождать их от старой мебели и что его светлость велел не брать с меня денег за пользование помещением.

Я отыскала Дамиана в библиотеке. Он перебирал карты и, увидев ключи в моей руке, с удовольствием спросил, понравились ли мне комнаты.

— Не знаю. Еще не видела. А ты успел сказать хозяину склада, что я не приду?

— Нет. Зачем мне разговаривать с ним? Я просто предложил тебе другой вариант.

— Ты предложил его Матильде, — поправила я. — Мне же вручили ключи и сообщили, что мебель уже выносят.

Он положил карту на стол.

— Элиана, там сухо и зимой топят печь. До торговой площади три минуты пешком. Зачем платить чужому человеку, если у нас есть собственный дом?

— Потому что в этом доме я буду хозяйкой конторы до тех пор, пока ты не решишь, что комнаты пригодятся для чего-нибудь другого.

Дамиан нахмурился. Я видела, что он обиделся. Ему пришлось приложить усилие, чтобы выслушать меня до конца. Впрочем, я тоже говорила резче, чем намеревалась.

— Я благодарна тебе за помощь. Но мне важно знать, сколько именно приносит мое дело, а сколько я получаю благодаря замужеству. Если ты хочешь сдать мне комнаты, я с

удовольствием их посмотрю и заплачу обычную цену.

— Собственной жене выставить счет? — возмутился он.

— Да. А еще обязаться чинить крышу, если она потечет. Как любой порядочный хозяин дома.

Муж помолчал. Потом попросил меня положить ключи на стол: он сам покажет мне комнаты после обеда, а договор мы составим только в том случае, если я действительно пожелаю их снять. Я согласилась. Дамиан, очевидно, рассчитывал, что на этом неприятный разговор закончится, однако мне никак не удавалось избавиться от досады. В комнатах Вальгардов, насколько я знала, было достаточно места, чтобы хранить шерсть. Меня задевало вовсе не его предложение, а то, как легко он распорядился работой, которую я считала своей.

После обеда мы посмотрели оба помещения. Дом Дамиана оказался просторным, но в него вела узкая лестница, по которой было неудобно таскать тяжелые тюки. Склад возле торговой площади имел отдельные ворота со двора и большой стол, оставшийся от прежнего владельца. Я объяснила мужу, где собираюсь принимать товар, а где намерена хранить накладные. Он прошел от ворот до стола, прикинул расстояние и неохотно признал, что второй вариант лучше. Уже на улице он взял меня под руку.

— Я ведь хотел тебе помочь.

— Знаю. И не отказалась бы от помощи, если бы ты прежде спросил, какая мне нужна.

— В следующий раз спрошу.

До самого дома мы еще немного дулись друг на друга. Вечером Дамиан пришел в гостиную раньше меня. На столике стояли две чашки, а возле шахматной доски лежал сложенный листок. Муж протянул его мне.

— Предлагаю тебе ознакомиться с условиями договора.

В договоре одна из сторон обязывалась присутствовать на ужине, когда другая возвращалась из города, а также предоставлять ей право первого хода по крайней мере дважды в неделю. В случае нарушения последнего пункта предусматривалось возмещение ущерба пирогом с черникой.

— Не хватает срока действия, — сказала я.

— Бессрочно. С возможностью пересмотра условий в присутствии обеих сторон.

Я засмеялась и поставила подпись. Дамиан забрал листок, аккуратно сложил и убрал в карман. Потом привлек меня к себе, и я услышала, как он тихо просит прощения за утреннюю ссору. Я ответила, что тоже погорячилась. До тех пор мне казалось, что счастливые супруги умеют угадывать желания друг друга. Теперь я начинала понимать, сколько еще нам обоим предстояло узнать.

В конце зимы я заболела. Поначалу не обратила внимания на першение в горле, а через два дня пришлось отменить встречу с купцами и вызвать лекаря. Тот велел лежать в постели и пить горячий отвар. Я успела нарушить первый совет еще до обеда, когда попросила принести мне счета. Дамиан,

вернувшись домой, поднял с одеяла одну из бумаг.

— Ты собираешься торговать даже с того света?

— Завтра заканчивается срок оплаты трех поставок.

Он вызвался разобраться с расчетами, но сдался, узнав, что господин Терн и господин Тарн — два разных купца. Позвал Матильду, помог ей унести бумаги, а вечером сам сходил за лекарем: температура поднялась. Лекарь предупредил, что меня лучше не оставлять одну до утра.

Ту ночь я запомнила урывками: мокрое полотенце на лбу, руки Дамиана, поддерживавшие меня, когда нужно было выпить лекарство, его голос в темноте. Под утро очнулась и увидела мужа на краю кровати с раскрытой книгой. На стуле лежало нераспечатанное письмо из Совета.

— Ты хоть немного поспал?

Он указал на кресло.

— А заседание?

— Предупредил Ренара, что не приеду. Ничего срочного сегодня не обсуждают.

Я попыталась возразить, но закашлялась. Дамиан дал мне воды, помог устроиться поудобнее и стал читать вслух историю одной старой осады. Автор с такой подробностью описывал длину крепостных рвов, что я заснула на третьей странице. Через неделю мне разрешили вставать, и муж наконец перестал вздрагивать всякий раз, когда я кашляла.

Весной с крыш закапала вода, река вздулась, а в зимнем саду распустились бледные нарциссы. Однажды Дамиан вер-

нулся из города раньше обычного и застал меня за письмом Эстель. Сел рядом, стащил с тарелки печенье и дождался, пока я сложу письмо.

— Элиана, я люблю тебя.

Я подняла голову. Он сказал это среди дня, безо всяких приготовлений, и даже не выпустил из руки недоеденное печенье.

— Давно? — спросила я.

— Достаточно давно, чтобы устать от попыток найти подходящий момент.

Я знала, какой ответ хотела дать. Но когда-то уже слышала похожие слова и после них так долго ждала свадьбы, которой не суждено было состояться. Вместо признания я лишь крепче сжала его пальцы. Дамиан отложил печенье, поцеловал мою руку и не стал требовать объяснений.

— Не спеши отвечать. Я просто хотел, чтобы ты знала.

Он больше не возвращался к этому разговору. А я несколько раз начинала говорить и в последний момент отступала. Мне становилось страшно именно потому, что он был мне так дорог.

Через две недели Дамиан задержался в поездке. Я получила письмо о том, что он вернется лишь утром, и легла спать в дурном настроении. Под подушкой оказался листок, который муж оставил еще перед отъездом.

«Если вернусь после твоего ужина, не жди. А шахматного слона, которого ты вчера переставила, я заметил. До завтра».

Я перечитала записку и засмеялась. С тех пор как приехала на север, я ни разу не соскучилась по прежней жизни так, как соскучилась по Дамиану за эти два дня. Мне не хватало его голоса, его нелепой привычки оставлять книги раскрытыми, даже споров за шахматной доской. Когда-то я боялась доверить счастье человеку. Теперь поняла, что давно доверила, просто еще ни разу не сказала этого вслух.

Утром я выбежала во двор, едва заметив экипаж. Дамиан спустился с подножки и удивленно спросил, что случилось.

— Я соскучилась. И люблю тебя.

Он замер, держа в руке снятую перчатку. Потом улыбнулся, обнял меня и поцеловал так, что Матильда, ожидавшая нас на крыльце, отвернулась.

В начале лета Дамиан вернулся из очередной поездки с ушибленным плечом. Я узнала об этом случайно: за ужином он потянулся к кувшину, поморщился и переложил ложку в другую руку. Когда я спросила, что произошло, он объяснил, что лошадь испугалась на горной дороге и прижала его к ограде. Повреждение, по его словам, было пустяковым.

— Лекаря звал?

— Кайден привел. Мне велено сегодня не садиться верхом.

— И сколько ты собирался молчать?

— Признаться, надеялся, что плечо пройдет раньше, чем ты заметишь.

Я отодвинула тарелку. Муж с некоторым сожалением по-

смотрел на свой ужин и пошел со мной наверх. Лекарь оставил в кабинете мазь, чистые повязки и обстоятельное наставление о том, как следует обращаться с больным герцогом. Выяснилось, что больной герцог не особенно хорошо слушал наставления. Он попытался снять рубашку сам, но я перехватила его руку и усадила в кресло. Возле плеча темнел широкий синяк. Мне стало жаль его, хотя поначалу я собиралась читать ему нравоучения.

— Можешь хотя бы сейчас ничего не делать? — спросила я.

— Могу. Только очень недолго.

Он послушно дождался, пока я помогу ему переодеться и устроиться в кресле. Потом попросил достать письмо, которое должен был подписать до утра. Я достала, прочитала ему и записала ответ под диктовку. Дамиан расписался левой рукой. Росчерк получился таким неровным, что он несколько секунд рассматривал его с искренним недовольством.

— Вот теперь Ренар точно решит, что я лишился рассудка.

— Он переживет.

Я убрала бумаги, принесла из гостиной подушку и подложила ее мужу под локоть. Он взял мою руку и неожиданно спросил, не скучно ли мне с ним сегодня. Я удивилась.

— Скучно? Ты же прекрасно умеешь разговаривать и без правой руки.

— Я обещал тебе прогулку в саду. Вместо этого пришлось

заниматься моими письмами.

— Тогда давай прогуляемся завтра.

Он посмотрел на меня, словно такой выход совершенно не приходил ему в голову. Я села рядом, взяла с полки книгу, которую он давно собирался дочитать, и предложила читать вслух. Через две страницы муж признался, что почти ничего не слышит. Ему мешало то, что мое лицо находилось так близко. Пришлось отложить книгу и поцеловать его. Дамиан остался весьма доволен результатом, пока не попытался обнять меня больной рукой. Я засмеялась и помогла ему устроиться удобнее.

На другой день мы действительно пошли в сад. В теплице садовник пересаживал молодые розовые кусты, и мы долго выбирали место для одного из них. Дамиан прежде почти не заглядывал в зимний сад. Выяснилось, что после смерти матери он не любил здесь бывать. Когда-то она сама ухаживала за цветами и позволяла сыну выбирать, какие розы поставить в доме к ужину.

— А ты какие выбирал?

— Самые большие. Чтобы больше не пришлось возвращаться за остальными.

Я показала ему маленький кремовый цветок, который только начал распускаться.

— Попробуй сегодня выбрать этот. Когда откроется, он будет гораздо красивее, чем кажется сейчас.

Садовник срезал розу, Дамиан отнес ее наверх и сам на-

шел подходящую вазу. Вечером, вернувшись из конторы, я увидела на столике раскрывшийся цветок и рядом чистый лист с нарисованной корявой рукой розой. Под рисунком муж приписал: «Теперь насчет цветов тоже придется слушаться тебя».

Я не стала объяснять ему, что рисует он ничуть не лучше, чем Эстель. Просто положила лист к своим письмам. В тот день мне было особенно хорошо оттого, что я могла заботиться о нем так же естественно, как он заботился обо мне. Для этого не требовалось ни пышного приема, ни нового наряда, ни даже здорового плеча.

К концу лета приближалась наша первая годовщина. Я заказала у эрвикского ювелира серебряную застежку для плаща с изображением двух переплетенных ветвей, таких же, как на наших свадебных кольцах. Решила пригласить мужа к Иде и вручить подарок на деревянном мосту.

За одиннадцать дней до годовщины Дамиана вызвали на внеочередное заседание Совета. Он вернулся, когда я уже готовилась ко сну, и сказал, что северные дома опять не сумели договориться о каком-то наследственном деле. На следующий день все повторилось. За ужином он почти ничего не ел и дважды выходил в кабинет. На третий день я попросила его хотя бы выспаться, а сама отправилась к ювелиру. Мастер завернул готовую застежку в ткань, уложил в коробочку из темного дерева и пожелал нам многих счастливых лет. Дома я спрятала подарок в ящике письменного стола.

Я еще не знала, что к нашей годовщине весь север будет обсуждать его свадьбу с другой женщиной.

Глава 3. Чужое предназначение

За четыре дня до годовщины Матильда принесла список гостей. Среди знакомых имен значилось новое: госпожа Лиора Эйрен, наследница восточных владений. Ей отвели комнаты в крыле, где обычно останавливались родственники мужа.

— Она надолго к нам?

— До вступления в наследство, герцогиня. Госпожа Эйрен отсутствовала почти пять лет. Отец ее умер прошлой зимой за границей, а городской дом еще не успели приготовить.

Я подписала распоряжение. К приездам соседей и родственников давно привыкла; гораздо сильнее беспокоил меня Дамиан. Накануне я не увидела его до полуночи, а сегодня застала возле окна кабинета над раскрытой картой. Завтрак на столе остался нетронутым.

— У тебя сегодня будет время пообедать со мной?

— Постараюсь к двум.

— А в день годовщины?

— Ты до сих пор не сказала, что затеяла. Мне хотя бы одеться прилично?

— Это желательно в любой день недели.

Он усадил меня к себе на колени и поцеловал. Потом пожаловался, что трижды пытался выведать у Матильды наши

планы, но та, несмотря на получаемое от него жалованье, сохранила верность герцогине. Я предложила взять управляющую на свое содержание. Дамиан усмехнулся, а я, приглядевшись к его лицу, заметила тени под глазами.

— Ты вообще спал сегодня?

— Часа четыре, — признался он. — Орен обнаружил, что запасы огня расходуются быстрее, чем рассчитывали весной. Надо договориться с домами о дополнительных поставках.

— Это связано с приездом госпожи Эйрен?

Его ладонь, лежавшая на моей талии, замерла.

— Отчасти. Она наследует обязательства отца перед Кругом.

— Тогда надеюсь, что она окажется сговорчивее господина Вельта. Ты в последнее время проводишь с ним столько времени, что мне пора приглашать его на семейные завтраки.

— Только попробуй.

Я засмеялась, поцеловала мужа в щеку и поднялась. У двери он окликнул меня и попросил пока ничего не заказывать на вечер накануне годовщины: предстояла церемония принятия наследства, на которой нам обоим следовало присутствовать. Я пообещала освободить время. Дамиан уже взялся за бумаги, но, прежде чем я вышла, добавил:

— А саму годовщину я тебе обещаю. Весь вечер твой.

Лиора приехала после обеда. Из коляски вышла высокая светловолосая женщина в дорожном костюме цвета морской волны. Она сама держала сумку и, едва ступив на крыльцо,

сняла перчатки.

— Герцогиня Вальгард? Как приятно наконец познакомиться. Я слышала, что у нас теперь хозяйка с юга.

У Лиоры были ясные голубые глаза, светлые брови и прекрасная осанка. После долгой дороги большинство людей предпочитают поскорее скрыться в своих покоях, однако гостья отказалась от ужина наверху: успела соскучиться даже по бесконечным северным разговорам о погоде. На лестнице она остановилась перед портретом прежнего герцога и спросила, куда перенесли висевшее здесь раньше изображение сражения у западного перевала. Матильда ответила, что в оружейную галерею. Очевидно, замок был Лиоре хорошо знаком.

Вскоре после приезда гостьи у меня возникло неожиданное затруднение. Матильда принесла схему рассадки: Ренар просил отвести Лиоре место справа от герцога, поскольку она вступала в наследство и ему хотелось подчеркнуть ее особое положение. Обычно там сидела я.

— А куда он предлагает посадить меня? — спросила я.

— Слева от господина Россена. Если пожелаете, герцогиня.

— Не пожелаю. Госпожа Эйрен будет сидеть рядом с Ренаром. Там ей удобнее обсуждать наследственные вопросы.

Матильда сделала отметку и отнесла схему на кухню. Я не стала придавать этому случаю большого значения. За год мне не раз приходилось менять рассадку, потому что старей-

шины не могли решить, кто из них важнее. И все же странно было, что Ренар, так тщательно следивший за придворными обычаями, предложил пересадить хозяйку собственного дома ради гостьи.

Вечером, выбирая платье к ужину, я спросила Дамиана, давно ли он знаком с Лиорой.

— Ее отец дружил с моим отцом. Когда она была ребенком, часто приезжала сюда и сидела на лестнице с альбомом. Однажды упросила меня помочь ей срисовать герб над дверью и свалилась прямо на Кайдена.

— Надеюсь, ты помог им подняться?

— Сначала выяснил, не придется ли объяснять ее отцу, почему у дочери сломана шея. Кайден был жив и громко ругался.

Я повернулась спиной, чтобы муж застегнул ожерелье. С замочком он справился быстро, однако руки остались у меня на плечах. В зеркале я увидела, что он смотрит куда-то мимо меня.

— Ты сегодня совсем не здесь.

Дамиан поцеловал меня в макушку и предложил спуститься к гостям.

За ужином Лиора сидела рядом с Ренаром и оказалась весьма осведомленной хозяйкой. Она знала состояние восточных дорог, имена управляющих и расходы на рудники, доставшиеся ей от отца. Услышав о моей торговой конторе, предложила познакомить меня с управляющим местны-

ми ткацкими мастерскими. Потом Ренар заговорил о полетах. Лиора повернулась к Дамиану, и они принялись обсуждать воздушные пути над восточным хребтом.

— А помнишь, как нас с тобой развернуло ветром над Белой седловиной? Я потом целый месяц боялась туда возвращаться.

— Ты тогда только научилась летать над высокими перевалами, — напомнил Дамиан. — Я предупреждал, что рано выбирать такую погоду.

— Ты и сам вернулся с порванным крылом.

— Именно поэтому и предупреждал.

Я слушала с интересом, но вскоре перестала понимать половину сказанного. Лиора могла подняться над горами рядом с Дамианом и испытать то же, что чувствовал он. Мне, даже пристегнутой к его спине, никогда не удалось бы почувствовать ветер собственными крыльями.

— Вам непременно стоит полетать над Белой седловиной, герцогиня, — обратилась она ко мне. — Правда, в качестве пассажира там довольно неудобно. Дамиан ведь возит вас с собой?

— Иногда. Мне пока достаточно более спокойных маршрутов.

— Элиана предпочитает считать коз на склонах, — сказал муж. — А для этого и Белая седловина не нужна.

— Ты обещал, что никому об этом не расскажешь!

— Я такого обещания не давал.

Мы с мужем переглянулись и улыбнулись. Лиора вернулась к разговору с Ренаром. Я же с удовольствием вспомнила собственный первый полет и то, как мы с Дамианом смеялись над козами.

После ужина я показала гостье зимний сад. Возле темно-красной розы она остановилась.

— Таких раньше здесь не было.

— Я привезла несколько кустов с юга.

— Красивые. Удивительно, что прижились. Вы довольны жизнью здесь?

— Очень. Осенью приезжает моя сестра. Устроим с ней маленький юг посреди этого сада.

— Должно быть, у вас хорошая семья.

В ее голосе прозвучала грусть. Я вспомнила, что Лиора недавно потеряла отца, и рассказала о проделках Эстель. Когда мы вернулись в зал, Дамиан поднялся навстречу.

— Устала?

— Немного. Проводишь меня наверх?

Он извинился перед гостями и увел меня. У спальни я спросила, что он думает о Лиоре как о будущей главе дома. Дамиан назвал ее способной женщиной: отец успел многому ее научить. Мы на этом закончили разговор. Муж наконец отложил дела, и вечер мы провели вместе.

Когда я уже засыпала, Дамиан взял мою руку и провел пальцем по свадебному кольцу. В первые месяцы нашего брака он иногда снимал его, чтобы прочитать выгравирован-

ные внутри имена, а потом надевал обратно, шутливо проверяя, не разучился ли это делать. На этот раз он молчал. Я придвинулась к нему и вскоре уснула.

Следующие два дня я провела в городе: один из поставщиков перепутал заказ. По возвращении застала в кабинете Дамиана Ренара и пожилого мастера. Между ними лежал открытый футляр с двумя черными камнями величиной с голубиное яйцо.

— Я помешала?

— Мы уже заканчиваем. Познакомься: Орен Фальк, мастер печатей Северного круга.

Орен поднялся, пожал мне руку и безуспешно попытался стряхнуть темный порошок с рукава. Ренар захлопнул футляр.

— Остальное завтра, Дамиан. Надеюсь, ты все обдумаешь. Решать придется быстро.

Муж ничего не ответил. Когда шаги посетителей стихли, он надел лежавший на столе перстень.

— Что это за камни? — спросила я.

— Образцы для проверки магического огня. Орен готовится к завтрашней церемонии.

— А что тебе следует обдумать?

— Ренар хочет, чтобы я заранее согласился с его предложениями о перераспределении обязанностей между домами. Как обычно, он считает собственные идеи единственно разумными.

Когда мы говорили о торговле или земельных спорах, Дамиан обычно подробно объяснял свою точку зрения. За последние дни он несколько раз отвечал мне такими общими словами, что становилось трудно продолжать разговор.

— Если будешь сообщать мне только результаты переговоров, я никогда не разберусь в ваших делах.

— После церемонии все станет понятнее. Обещаю, мы поговорим.

Я согласилась, хотя впервые за долгое время ответ мужа оставил у меня неприятное ощущение.

Накануне годовщины, в день вступления Лиоры в наследство, с гор тянуло холодным ветром. Я выбрала плотное темно-синее платье с серебряной вышивкой в тон парадной одежде Дамиана. Обряд проводили в старой части замка, в зале, куда я прежде ни разу не заходила. Муж отвел меня туда немного раньше остальных.

На стенах галереи были высечены гербы четырех домов. Под узкими окнами зала на каменном возвышении стояла широкая чаша на трех ножках. От нее к полу спускались металлические полосы, а вокруг были высечены знаки, знакомые мне по восточному святилищу.

— Красиво, — сказала я. — Она тоже сохраняет тепло?

— Нет. Показывает свойства огня. Орен сможет определить, с каким запасом сил Лиора вступает в наследство и какую долю нагрузки ее дом способен принять.

— А ты зачем участвуешь в обряде?

— В качестве хранителя Круга. Мой огонь служит образцом, с ним сравнивают силу наследника.

Дамиан смотрел на чашу. Я поправила край его плаща, зацепившийся за застежку.

— Нервничаешь?

— Терпеть не могу церемонии.

— На собственной свадьбе ты держался превосходно.

— Там была ты.

Он поцеловал меня. Из галереи донеслись голоса, и нам пришлось разойтись. Его ладонь на моей спине оказалась непривычно горячей.

Собирались родственники Дамиана, управляющие северных владений и два священнослужителя. Орен с помощником проверяли знаки возле чаши; на столике открыли книгу записей. Лиора вошла последней, в белом платье с золотыми шнурами на рукавах и накидке с гербом своего дома. Нотариус прочитал наследственный акт, Лиора подтвердила согласие принять владения и обязательства Эйренов. Я искренне желала ей удачи: отныне ей предстояло отвечать за большое хозяйство и тысячи людей.

По просьбе Орена Лиора сняла перчатку и раскрыла ладонь. Оранжевое пламя на ее пальцах отделилось и упало в чашу. Мастер сделал несколько записей и кивнул Дамиану. Муж поднялся к другому краю возвышения. Его лицо было напряженным.

— Ваша светлость, образец, — попросил Орен.

Дамиан раскрыл ладонь. Его огонь, темный, с медным отливом, лег в центр чаши. Несколько мгновений оба потока горели раздельно, затем красноватое пламя Лиоры вытянулось тонкой полосой и потянулось к огню мужа. Над чашей поднялся высокий золотой столб. Из открытой двери тянуло сквозняком, но пламя почти не колебалось.

Орен отложил перо. В переднем ряду кто-то ахнул. Я обернулась к госпоже Вельт, надеясь получить объяснение, однако та уже подалась вперед.

— Золотой огонь! Как у твоих родителей, Дамиан.

Мастер погасил пламя и попросил обоих повторить испытание, поменявшись местами. Золотой огонь поднялся почти сразу.

— Господин Фальк? — спросил Ренар.

— Полное соответствие. При одинаковой подаче оба потока образуют устойчивое целое. Сомнений нет.

Лиора выпрямилась. Она смотрела на Дамиана, и на ее лице отразилась такая радость, что у меня впервые возникло дурное предчувствие. Ренар шагнул к возвышению.

— Свидетели слышали заключение мастера. Огонь дома Вальгард и огонь дома Эйрен пребывают в совершенном согласии. Перед нами истинная пара.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять смысл сказанного. Я посмотрела на мужа. Он стоял у чаши, опустив руку, и даже не улыбнулся. Госпожа Вельт поспешила обнять Лиору. Кто-то позади меня спросил, когда состоится

помолвка, а один из старейшин предложил нотариусу приготовить выписку из брачного договора Вальгардов. Нотариус поднял голову и посмотрел на меня.

Я ведь сама выбрала это платье, чтобы стоять на церемонии рядом с мужем. С трудом помнила, как нужно складывать руки, когда священнослужитель обращается к гостям, заранее согласовала рассадку за праздничным столом. Теперь люди, которые еще утром желали мне доброго дня, обсуждали, каким образом освободить мое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.